

"БУХЕНВАЛЬД – ЗАБВЕНЬЮ ВОПРЕКИ"

*Курт Артес,
социальный работник по помощи престарелым
при муниципалитете Бильштедт в Гамбурге*

"Бухенвальд – забвенью вопреки". Такова была тема мероприятия, организованного профсоюзом verdi. Я уже кое-что прочел об этом KZ (концентрационный лагерь), который находился на горе Эттерсберг, недалеко от Веймара, но многое помнилось лишь туманно.

Мне было известно о назначении и функции лагеря, его местоположении и количестве заключенных, я знал о варварстве и хаосе, о гротескной бухгалтерии смерти (это, кажется, нечто типичное для немцев) и о тысячах и тысячах смертей.

Но совсем другое – быть в том самом месте, смотреть на прекрасный ландшафт Тюрингии с высоты горы Эттерсберг, с плаца, и понимать, что это случалось неисчислимо часто и было тесно связано с неистребимой жаждой свободы, стремлением оставить позади преисподнюю лагеря.

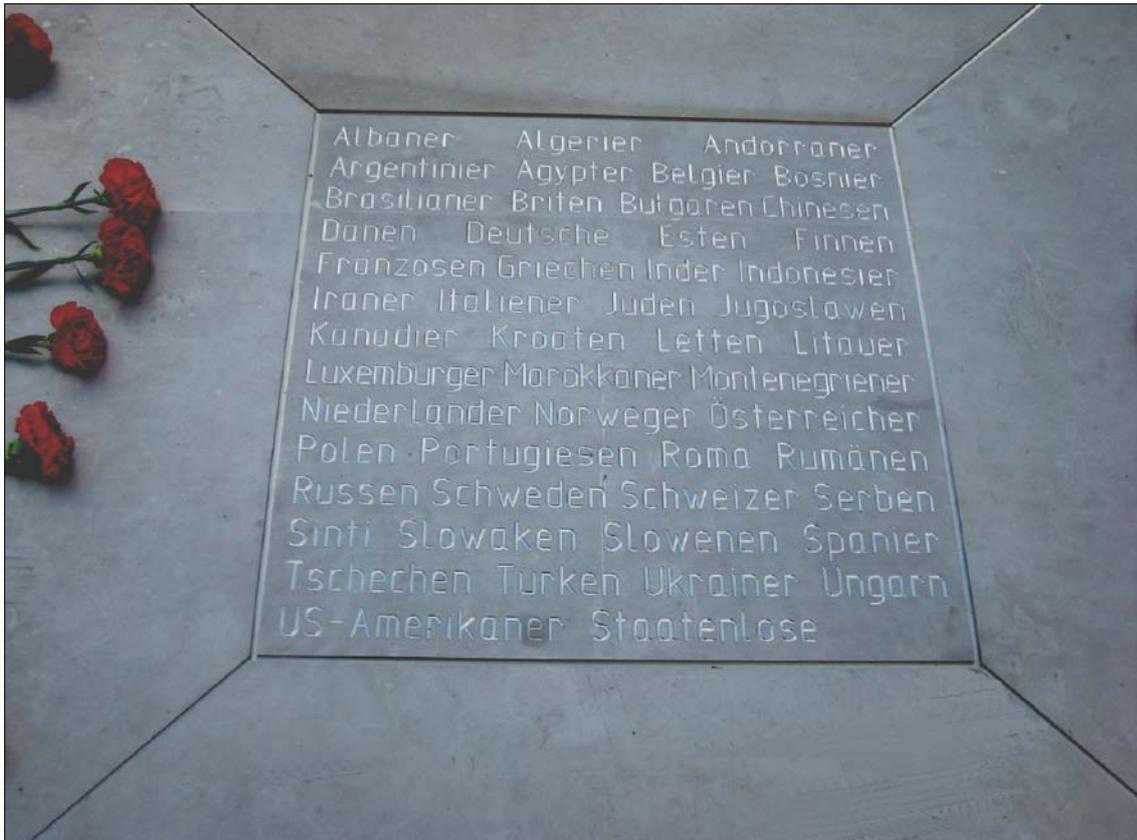
На протяжении этой столь долгой недели, недели, длившейся тысячу лет, мой путь перед завтраком проходил от квартиры, где я остановился, мимо собачьего вольера эсэсовских постовых, мимо бункера – места жестоких пыток и смерти, и попадал через ворота в лагерь, чтобы одному постоять на плаце и внимать голосам тысяч замученных, чтобы почувствовать холодный ветер, от которого знобит, потому что на плацу всегда царят более низкие температуры, чем в остальном лагере. Я один у памятника Наций, перед вмурованной в пол доской из нержавеющей стали, на которой выгравирован список наций узников лагеря, согреваемой теплом, соответствующим температуре человеческого тела. Городские коммунальные сети Веймара обязались "вечно" снабжать памятник энергией – ведь именно они обеспечивали смертоносную функцию электрического ограждения лагеря.

Я один в лагере, где замерзли, умерли от голода и жажды польские бойцы Сопротивления.

Последний из них погиб через 16 дней после того, как попал в лагерь. Я также один у камня в память столь многих евреев – мужчин, стариков и мальчиков, которые после погромов "Хрустальной ночи" существовали в лагере в жалких условиях. Я стою перед мемориальной доской тысячам советских военнопленных, которые попали в лагерь вопреки Женевской конвенции, и перед памятником синти и рома, ужасная судьба которых была столь похожа на судьбу еврейских граждан.

Я смотрю на здание крематория, печи которого дымили день и ночь, и вспоминаю слова великого писателя, лауреата премии мира Жоржа Семпруна. Будучи молодым бойцом французского Сопротивления, он попал в Бухенвальд/Веймар и вступил в ряды нелегального интернационального военного комитета Бухенвальда, добывавшего оружие для часа X, преодолевая невероятные трудности. Вспоминается его описание первых часов освобождения лагеря самими заключенными,

מילה WORD СЛОВО

*Eingang zum Lager Nationalitäten
Вход в лагерь Наций*

*Freiwilligenarbeiten der Teilnehmer
Участники на раскопках*

необычайное удивление трех английских офицеров, которых он встретил у ворот освобожденного лагеря – исхудавший, с запавшими щеками, в рваной одежде, но со внушавшим уважение автоматом на груди. Он писал, что англичане не могли слышать тишины, имея в виду, что дымящий крематорий своим приторным зловонием спугнул всех птиц из близлежащего леса, и оттуда больше не было слышно ни звука.

Вдалеке, почти на опушке леса, ниже лагеря, расположен больничный стационар, в котором тоже совершались убийства, и я вижу совсем рядом в лесу то место, где я помогал при раскопках фундаментов и прочего забытого. Официально это здание называлось "ОП 2" (операционный зал 2) и "Контрастные ванны". За чертой лагеря, за бывшим лагерным садом (с этим названием ассоциируется некая идиллия и одновременно ужасает происходившее там на самом деле) будто беспорядочно расставлены среди деревьев металлические круглые столбы в человеческий рост, причем их огромное количество придает этому месту жуткий вид. Холод пробирает, когда узнаю, что каждая стела обозначает место находки человеческих останков. Заключенных, умерших от истощения

и голода, закапывали в лесу, потому что крематорий был отключен. К этому времени лагерь был уже не концлагерем коричневых сверхчеловеков, а советским лагерем для интернированных.

После освобождения лагеря силами заключенных и Третьей американской армии американцы, согласно Ялтинскому договору, покинули Тюрингию. Но Советы сохранили лагерь с целью интернирования нацистов или людей, которых они таковыми считали. Документально подтверждено, что в лагере были заключены и убиты люди, не все из которых сотрудничали с нацистами. Злоба, зависть, недоброжелательство и здесь послужили причиной клеветы и доноса. В конечном счете, передо мной во всей ясности предстала трагедия, заключающаяся в немецкой истории прошедших полутора веков, включая последствия как для жертв, так и для преступников. Я вывожу простую формулу, действовавшую прежде и действительную по сей день: дискредитация и дискриминация равны фашизму. Фашизм означает войну в малом и большом, и я привожу слова известного писателя: "Первой жертвой войны становится правда".

Перевод Михаила Тавониуса

*Weimar – die Stadt Schillers und Goethes
Веймар – город Гете и Шиллера*

מילה WORD СЛОВО

Главные врата в преисподнюю лагеря

В память о еврейских гражданах, заключенных после погромов

מילה בסופת WORD

